

Факты и преломления

«Имя Сталинграда выжжено огнём»: Сталинградская битва в исторической памяти ФРГ

Александр Борозняк

Сталинград, ты – открытая огненная топка,
Плавящая живые сердца,
Отделяющая руду от шлаков
И меняющая природу того,
Что нас окружает.

Свергаются кумиры, и из огня страданий
Выплавляется золото – во имя Христа.
Сталинград очистил нас.
От него исходит свет –
Свет истины и новообретённой силы.

Это стихотворение было написано в 1945 г. в советском лагере для немецких военнопленных. Его автор – священник 76-й пехотной дивизии Й. Кайзер, взятый в плен в Сталинграде 28 января 1943 г., участник движения «Свободная Германия». Для него и его единомышленников город на Волге был знаком раскаяния¹. Но для большей части западных немцев Сталинград долгое время оставался символом жертвенной гибели борцов против «восточного варварства».

Сразу после окончания войны начала формироваться легенда о «чистом вермахте», которая как нельзя лучше отвечала обстановке международной конфронтации. Идея о единоличной ответственности Гитлера за германскую катастрофу и непричастности к его преступлениям немецкой правящей элиты стала для последней якорем спасения. Этот тезис на два-три десятилетия вперёд определил главную направленность западногерманской историографии Сталинградской битвы. Современный историк Г. Али считает, что после 1945 г. правда о войне «была заморожена», а «политической формой, которая была найдена для этого замораживания, стала холодная война»². Далеко не случайным оказался успех книги «Утраченные победы» бывшего генерал-фельдмаршала фон Манштейна³, приговорённого в 1949 г. британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за военные преступления, совершённые на оккупированных территориях СССР. Уже в мае 1953 г. Манштейн был выпущен на свободу, и его приветствовали как «героя Крыма и Сталинграда». Для военачальника, несшего прямую ответственность за гибель немецких солдат под Сталинградом, главным в его мемуарах являлись самооправдание и объяснение трагедии на Волге «интересами государства». Книга хорошо расходилась, её направленность удачно совпала с политической линией правящих кругов ФРГ. Не случайно Паулюс, прочитавший книгу Манштейна после своего возвращения из советского плена, отзывался о её содержании «с горечью, возмущением и разочарованием»⁴.

© 2014 г. А.И. Борозняк

Автор выражает признательность за помощь в написании статьи немецким коллегам д-ру Ю. Царуски (Институт современной истории, Мюнхен), Р.Л. Штельмахеру (издательство «Зандштайн», Дрезден) и М. Нагелю (Военно-исторический музей бундсвера, Дрезден).

¹ Privatbesitz Kayser in der Gedenkstätte Deutscher Widerstand (Berlin).

² Die Zeit. 2013. 14. März.

³ Manstein E. von. Verlorene Siege. Bonn, 1955.

⁴ Цит. по: Kerig M. Stalingrad im Spiegel der Memoiren deutscher Generale // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a/M., 1992. S. 210.

Достаточно быстро был создан идеологический климат, вполне подходящий для формирования западногерманской армии, во главе которой стали бывшие генералы вермахта, и для вступления ФРГ в НАТО в 1955 г. Центральным пунктом в деле оправдания (и прославления!) вермахта служила трактовка Сталинградской битвы. Воспоминания Манштейна и многочисленные апологетические изложения истории дивизий вермахта, воевавших под Сталинградом⁵, стали, по словам М. Кумпфмюллера, индикатором «идеологического противостояния холодной войны и перевооружения ФРГ», «отчётливого отказа от категорий вины и покаяния»⁶.

Катастрофа 6-й армии трактовалась следующим образом: «Германии не надо стыдиться своих сынов, воевавших в Сталинграде... Героическая борьба в Сталинграде навсегда войдёт в историю». Солдаты и офицеры вермахта представляли благородными и страдающими героями и жертвами, СС и СД – злодеями, творившими грязные дела без ведома армии, а русские – жалкими, но коварными варварами⁷. Налицо было прямое продолжение нацистского мифа о Сталинграде.

Непременным компонентом западногерманского массового (и для ветеранов, и для молодёжи) чтения 1950-х гг. стали серийные выпуски «солдатских историй» карманного формата, большая часть которых повествовала о «войне на Востоке», в том числе и о битве под Сталинградом. Бойко раскупались еженедельные выпуски серии «Der Landser» (объём – 64 с.), «Der Landser – Großband» (96 стр.), «Der Landser – SOS» (88 с.). Общий месячный тираж выпусков составлял 230 тыс. экземпляров, а число названий превысило 5 тысяч. Большими тиражами издавались многочисленные романы о «войне на Востоке», герои которых сражались за «абендланд». Ни о какой вине за развязывание массовой бойни не было и речи. Типичным примером хорошо продававшейся литературы такого рода был вышедший в 1956 г. роман Х. Конзалика «Врач из Сталинграда», на страницах которого немцы, вторгнувшиеся на советскую землю, представляли жертвами Красной Армии. Конзалик приписывал русским «плоский сибирский ум» и «первобытный страх рабов»⁸.

В 1954 г. западногерманский издательский концерн «Bertelsmann» выпустил на книжный рынок новинку, немедленно ставшую бестселлером – «Последние письма из Сталинграда»⁹. В подборку вошло 39 фрагментов, многократно и обильно цитировавшихся историками и публицистами, у которых не возникало сомнений в подлинности текстов. На основе «последних писем» были сняты кино- и телефильмы, написаны музыкальные сочинения. Однако на самом деле письма были фальшивками. Они весьма пространны, по несколько страниц, хотя у солдат не было ни бумаги, ни карандашей, ни времени для сочинения длинных посланий. Нелепо выглядят церемонные обращения к адресатам. В письмах

⁵ Lemelden J. 9. Division. Bad Nauheim, 1950; Grams R. Die 14. Panzer-Division 1940–1945. Bad Nauheim, 1957; Werthen W. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939–1945. Bad Nauheim, 1958; Dieckhoff G. 3. Infanterie-Division. Göttingen, 1960.

⁶ Kumpfmüller M. Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos. München, 1995. S. 212, 208.

⁷ Цит no: Conrady P. «Wir lagen vor Stalingrad». Oder: Nichts gelernt aus der Geschichte? Die Landshefte der 50er und 60er Jahre // Faschismus in Texten und Medien: Gestern – Heute – Morgen? Oberhausen, 2004. S. 131. См. также: Geiger K. Kriegsromanhefte in der BRD. Inhalte und Funktionen. Tübingen, 1974; Schornsteiner M. Die leuchtenden Augen der Frontsoldaten. Nationalsozialismus und Krieg in Illustriertenromanen der fünfziger Jahre. Berlin, 1995.

⁸ Konalik H.G. Der Arzt von Stalingrad. München, 1981. S. 53, 59.

⁹ Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh, 1957.

не раз говорилось, что через какое-то время из окружения вылетит последний самолет. Но откуда можно было в той кошмарной обстановке всеобщей паники и неразберихи знать, какой самолет окажется последним? Солдаты прекрасно знали, что каждое письмо внимательно прочитывается цензором, поэтому были невозможны то и дело встречавшиеся в них высказывания типа «Гитлер нас предал», «Германия погибла», равно как сообщение о том, что «200 тысяч солдат сидят в дерьме» (о численности войск в котле стало известно позднее).

В чём же причина того, что вопрос об аутентичности «последних писем» не ставился в ФРГ в течение десятилетий? В том, очевидно, что форма и содержание псевдоисточника соответствовали стереотипам общественного сознания в годы холодной войны. Катастрофа вермахта на Волге позволяла гражданам ФРГ ощущать себя неким «сообществом жертв», а ужасающая правда о подлинных целях войны против СССР, о преступлениях вермахта вызывала аллергию. Налицо было невысказанное желание уйти от вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию размежевания между вермахтом и Гитлером.

Но существовали ли очаги противодействия этой доминирующей тенденции? В 1956 г., когда бывшие нацистские генералы уже обживали кабинеты в зданиях командования бундесвера, в журнале «Frankfurter Hefte» была опубликована статья «Какой закон повелел немецким солдатам умирать на берегах Волги?»¹⁰. Автором текста был д-р И. Видер (1912–1992) – специалист по истории французской и итальянской культуры, призванный в вермахт и служивший в должности лейтенанта в штабе 8-го корпуса 6-й армии. Он прошёл сквозь ад сталинградского окружения, оказался в лагере № 97 для немецких офицеров в Елабуге, участвовал в основании Союза немецких офицеров (сентябрь 1943 г.), в 1950 г. вернулся из плена, был руководителем Баварской государственной библиотеки. В статье Видера содержался обстоятельный критический разбор воспоминаний Манштейна.

Эта книга, с полным основанием заявлял Видер, есть «попытка оправдать смертный приговор, вынесенный сотням тысяч людей и беспощадно приведённый в исполнение во имя “высшей стратегии”»¹¹. «В какой мере, – вопрошал Видер, – смерть 200 тысяч человек, смерть по приказу верховного командования, можно оправдать моральными законами?»¹². Непреложный вывод автора гласит: вермахт превратился в «инструмент нацистского стремления сохранить власть»¹³. Видер призывал сынов и внуков солдат Сталинграда извлечь уроки из национальной катастрофы. Мифу о «беспримерном героизме» вермахта он противопоставил правду о «доблестной советской 62-й армии, которая осенью 1942 г. в огненном аду Сталинграда долгие месяцы упорно обороняла два небольших плацдарма на волжском берегу, храбро сражаясь и выстояв под яростным напором превосходящих немецких сил»¹⁴. Ни один из профессиональных историков ФРГ не решался тогда, в середине 1950-х гг., на такое непривычное признание.

В 1962 г., когда вектор общественного сознания ФРГ понемногу начал меняться, вышла в свет книга Видера «Сталинград и ответственность солдата»¹⁵.

¹⁰ *Wieder J.* Welches Gesetz befahl den deutschen Soldaten, an der Wolga zu sterben? // *Frankfurter Hefte*. 1956. H. 5.

¹¹ *Ibid.* S. 311–312.

¹² *Ibid.* S. 314.

¹³ *Ibid.* S. 326, 327.

¹⁴ *Ibid.* S. 324.

¹⁵ *Wieder J.* Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. München, 1962. Русский перевод: *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965.

Этот труд и сегодня воспринимается как волнующее свидетельство личной трагедии автора, как сгусток извлечённых из катастрофы вермахта горьких уроков, как религиозно окрашенный протест (Видер был сыном протестантского пастора) против насилия, как выражение выстраданной надежды на лучшее будущее Германии и мира. «Чудовищные картины гибели, не дававшие мне покоя ни днём, ни ночью, – вспоминал Видер, – проходили перед моим мысленным взором, образуя бесконечную кровавую мясорубку. Картины далёкого прошлого и переживания, которые внезапно ожили в моей памяти, предстали передо мной как логически связанные между собою звенья одной и той же роковой цепи»¹⁶.

Бывший офицер 6-й армии не пытался выгораживать себя, отрицать свою ответственность и вину: «Наш поход на Волгу предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. Самого себя я увидел как бы заправленным в гигантский и бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью вплоть до саморазвала и уничтожения... Трагическая эпопея обнажила дьявольскую сущность антинравственной государственной и военной системы гитлеризма. За этой системой, подавшись её воздействию, вплоть до самого ужасного конца в самоубийственном ослеплении, следовало большинство немцев... Я чувствовал себя участником разыгрывавшегося вокруг шабаша ведьм, в котором был повинен и я. Сознание этой вины свинцовым грузом висело на мне, отягощая мне сердце и совесть»¹⁷.

Опережая на десятилетия вектор развития общественного мнения ФРГ, он отдавал должное «борьбе советского народа, защищавшего и освобождавшего свою подвергнувшуюся иноземному нашествию Родину». В ходе войны СССР стал «решающим фактором мировой политики». Видер считал, что долгом последующих поколений немцев является честное извлечение уроков из трагедии под Сталинградом: «Там, над Волгой, ещё стелется невидимый гигантский крест. И отбрасываемая им тень нависла над всем немецким народом, проникновенно и предостерегающе взывая к нашим сердцам». «Речь идёт об утверждении более совершенного устройства межчеловеческих отношений, о ликвидации прежних отношений вражды между народами. Именно поэтому память о Сталинграде должна стать составной частью нашей истории... Мы должны найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории, взглянуть в глаза всей правде и принять её такой, как она есть»¹⁸.

Но идеологическая ситуация в послевоенной Западной Германии развивалась в противоположном направлении. «Можно ли действительно сказать, – вопрошал Видер, – что дискуссия вокруг сталинградских событий и порождённых ими проблем дала плодотворные результаты?». Атмосфера холодной войны и ремилитаризации ФРГ влекла за собой «сытое равнодушие и пренебрежение к моральным и духовным ценностям». Видер подверг уничтожающей критике современную ему западногерманскую историографию сражения на Волге: «На первом плане всегда стоят лишь чисто военные события и результаты, а также явно продиктованное соображениями личного престижа стремление оправдаться, смыть с себя позор военного поражения и переложить всю вину на одного только могильщика Германии, который вовремя улизнул от земного суда»¹⁹.

¹⁶ Видер И. Указ, соч. С. 142.

¹⁷ Там же. С. 147, 323, 142.

¹⁸ Там же. С. 332, 160, 323, 327.

¹⁹ Там же. С. 325–326, 329.

В. Гёрлиц, представлявший доминировавшее в 1950–1960-е гг. консервативное направление исторической науки, на страницах газеты «Die Welt» назвал книгу Видера «приговором судьи», направленным против «военнослужащих, находящихся на ответственных постах»²⁰. По существу, он действовал точно так же, как тогдашний генеральный инспектор (командующий) бундесвера (и бывший генерал вермахта) Ф. Фёрч. В конце 1962 г. режиссером К. Хубалеком была снята телеверсия известного романа Т. Пливье «Сталинград», написанного по горячим следам событий и проникнутого правдой о войне. Премьера была назначена на вечер 31 января 1963 г., когда исполнялась двадцатая годовщина капитуляции Паулюса. Командование бундесвера объявило – точно в указанный в телепрограмме день и час! – боевую тревогу для всех военнослужащих. Фёрч, не ограничившись прямым запретом просмотра передачи, издал специальный приказ, в котором обрушивался на «пропагандистские тезисы коммунистической психологической войны», на «клик леваков, окопавшуюся на телевидении», выдвигая в качестве примера для подражания бессмысленное сопротивление окружённых под Сталинградом войск²¹. В тогдашней духовной ситуации этот скандальный эпизод остался практически незамеченным. «Порой мне казалось, – сокрушался в начале 1980-х гг. Л.З. Копелев, – что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стёрт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутым в руинах Сталинграда»²².

В 1987 г. во Франкфурте-на-Майне вышла небольшая книга «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна»²³, автором которой являлся профессор В.Р. Байер (1902–1990) – известный историк философской мысли, бессменный президент международного Гегелевского общества и организатор международных Гегелевских конгрессов. В веймарский период Байер был практикующим юристом, в 1942 г. призван в вермахт и отправлен на фронт под Сталинград. Жанр публикации Байера едва ли поддаётся определению. Сгусток личных впечатлений солдата, оказавшегося в эпицентре мировой истории и пережившего трагедию окруженной армии? Профессиональный анализ источников по истории сражения на Волге? Беспощадный критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о Сталинградской битве? Очерк массовой психологии в пороговой ситуации между жизнью и смертью? Разъять сложную амальгаму содержания книги на некие пласты вряд ли возможно. Давая своему труду подзаголовок «Внизу, где жизнь была конкретна», Байер воспроизвёл, чуть видоизменив, формулу Гегеля из «Философии права». Содержание книги находится на рубеже двух сознаний: сознания солдата – одного из многих, обречённых на гибель своим режимом и своими командирами, – и сознания умудрённого годами философа, ощутившего на склоне лет потребность в осмыслении роли, которую сыграла Сталинградская битва в его личной судьбе и в судьбе его поколения.

Байер свидетельствует: «Тема Сталинграда никогда не оставляла меня – ни вчера, ни сегодня. Она определила и перевернула мою жизнь»²⁴. Он рассказал о мыслях и поступках людей, которые находились между жизнью и смертью, в пограничной ситуации, порождавшей страх физического небытия, апатию,

²⁰ Die Welt. 1962. 1. November.

²¹ Der Spiegel. 1963. H. 7. S. 33–34.

²² Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin, 1986. S. 43.

²³ Beyer W.R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a/M, 1987.

²⁴ Ibid. S. 19, 59.

глухое недовольство системой, смутное предвидение неизбежного краха нацистского режима. В его памяти – каждодневная гибель однополчан, голод, болезни, вши, ощущение нарастающей безнадежности положения войск, брошенных командованием. В «котле» свирепствовала полевая жандармерия, не переставали работать военные трибуналы, вынесшие, по официальным данным, 364 смертных приговора. Байер считает эту цифру сильно заниженной²⁵. В книгах, изданных в ФРГ, не говорится о массовом зашивлении солдат, а между тем, Байер убежден, что тот, кто не упоминает о вшах, «не имеет права писать о Сталинграде»²⁶. 10 января 1943 г. Байер был тяжело ранен и на следующий день эвакуирован с аэродрома Питомник – с последнего аэродрома, принимавшего самолёты люфтваффе... Дальше – лазареты в Люблине и в Варшаве, отпуск на родину, военные действия во Франции.

Байер рассматривает германскую историографию битвы на Волге с позиции «участника боёв в Сталинграде, всю жизнь нёсшего на себе груз выстраданного прошлого, в котором он участвовал и которое он пережил». Он ощущал, что на нём «в равной мере лежит ответственность как за историю, так и за образ истории»²⁷. Учёный именует большую часть западногерманских работ о Сталинграде «оправдывающей литературой», «комбинацией недостоверных сведений, иллюзий и фактов». Авторы публикаций подобного рода лишь «прикрываются именем исторической науки», нередко прямо повторяя «ложь, сфабрикованную министерством пропаганды», воспроизводя тезисы «приказной публицистики Третьего рейха»²⁸. Что же касается «сконструированных мемуаров» гитлеровских военачальников, то в них совершенно игнорируются, подчёркивал Байер, действия и мысли «тех, кто были внизу», тех, кто стал «жертвами стратегических планов»²⁹.

Освещение катастрофы вермахта с точки зрения простых солдат должно стать, по глубокому убеждению учёного, неременным условием «гуманистической трактовки исторических событий». Выводы Байера гласят: «Подлинный смысл событий в Сталинграде можно постигнуть только на основе того, что происходило “внизу”»³⁰. Байер был первым, кто усомнился в подлинности фиктивных «последних писем» и осуществил их квалифицированный источниковедческий и археографический анализ. Учёного насторожили «театральность» писем, их «хвастливый, заносчивый» тон, темы, которые «никак не затрагивали простых солдат». Авторами текстов, свидетельствовал Байер, могли быть люди, которые «находились в совсем ином мире». Его заключение было категоричным: «последние письма» представляют собой «топорно сработанную» мистификацию³¹.

Советская историография, отмечает Байер, «по праву рассматривает 19 ноября как переломный день, как памятный день Сталинградской битвы». В книге Байера содержится высокая оценка сталинградских репортажей В.С. Гроссмана и его романа «Жизнь и судьба». Результат анализа долговременных изменений травматической памяти немецких солдат совпадает у Байера с выводами

²⁵ Ibid. S. 47.

²⁶ Ibid. S. 29.

²⁷ Ibid. S. 59.

²⁸ Ibid. S. 46, 26, 12, 46, 59.

²⁹ Ibid. S. 34, 59, 28.

³⁰ Ibid. S. 9, 17.

³¹ Ibid. S. 64–66.

Гроссмана. «Мы не часто спрашивали в Сталинграде о смысле событий, – свидетельствует учёный, – мы не часто думали об этом. Всё это пришло позднее». Но он убеждён: пребывание в котле «сформировало нас и наше мировоззрение», «определило нашу жизнь, перевернуло её»: тот, кто был там, «стал другим человеком». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать». В людях пробуждалось человеческое начало: «И у тех, кто послушно участвовал в преступных акциях, потому что они должны были участвовать, возникала мысль: а не является ли ошибкой этот общественный порядок, если им порождено всё происходящее?». «Для простых солдат, для “фронтового быдла”, для тех, кто молчал, маршируя во тьме, Сталинград означает неотступное требование мира», – таково глубокое убеждение философа. Существовал только один путь – «путь безусловного отказа от войны, от агрессии, от захвата чужих земель... Это была наша цель, даже тогда, когда мысль о ней скрывалась от самих себя. Но мысль возникала вновь и вновь»³².

Книга Байера появилась именно тогда, когда в историографии ФРГ начался энергичный поиск новых научных подходов к освещению хода и уроков Второй мировой войны. По выражению Г. Юбершера, «была распахнута дверь для осознанного рассмотрения опыта и переживаний простых солдат», и «повседневная жизнь маленького человека на войне стала предметом исследований и публикаций»³³.

В 1990-е гг. немецким читателям стали доступны принципиально новые источники по истории Сталинградского сражения. Речь идёт о подлинных письмах полевой почты 6-й армии. Почти все их авторы погибли, а письма, не дошедшие до адресатов, в начале 1943 г. были захвачены красноармейцами в качестве трофейных документов и находились в фондах Сталинградского государственного музея обороны (ныне Государственный музей-заповедник «Сталинградская битва»). Первая научная публикация этих эпистолярных документов была осуществлена в июне 1991 г. в сборнике материалов, подготовленном учёными Волгограда, Берлина, Мангейма и приуроченном к открытию в Берлине выставки «Сталинград – письма из котла»³⁴. Й. Эберт, который был одним из организаторов экспозиции, воспроизвёл и откомментировал (на страницах указанного сборника, а годом позднее в книге «Сталинград – немецкая легенда»³⁵) 25 текстов из коллекции Волгоградского музея.

В высшей степени характерно письмо ефрейтора Б. Калиги, предназначенное своей семье в Берлин, но не полученное адресатами: «Сейчас канун Нового года и, если я думаю о доме, у меня разрывается сердце, так здесь всё плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером глоток кофе... Везде голод, голод, голод и к тому же вши и грязь. Днём и ночью нас бомбят советские лётчики и почти не прекращается артиллерийский огонь. Если в ближайшее время не свершится чудо, я здесь погибну. Мне очень плохо... Иногда я молюсь, иногда думаю о своей судьбе. При этом всё представляется мне бессмысленным и бесцельным. Когда и как

³² Ibid. S. 23,40.

³³ Ueberschär G. Die Schlacht von Stalingrad in der deutschen Historiographie // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 201.

³⁴ Materialien zur Ausstellung «Stalingrad – Briefe aus dem Kessel». Berlin, 1991.

³⁵ Stalingrad – eine Deutsche Legende. Reinbek, 1992.

придёт избавление? И что это будет – смерть от бомбы или от гранаты? Или болезнь? Все эти вопросы занимают нас постоянно. К тому же мучительные мысли о доме, тоска по родине стали уже болезнью. Как может всё это вынести человек? Или все эти страдания – наказание Божие?.. Если из-за этого письма меня поставят перед военным трибуналом и расстреляют, то для моего измученного тела это будет избавлением от страданий. У меня больше нет надежды. И поэтому я прошу вас не очень сильно плакать, если вы получите известие, что меня уже нет в живых. Будьте добры в отношениях между собой и любите друг друга. Благодарите Бога за каждый прожитый день, потому что жизнь дома – это счастье»³⁶.

Р. Пападопулос-Киллиус сопоставила содержание 192 писем, относящихся к последним неделям окружения. В письмах, датированных первой половиной января 1943 г., главным становится мотив предчувствия смерти: «Мы никогда уже не покинем Россию»; «Каждый из нас здесь и погибнет». «Читая потрясающие человеческие документы из преисподней Сталинграда, – замечает исследовательница, – мы не можем упускать из виду причинно-следственной связи. Речь идёт об отчаянии людей, которые несли другим смерть»³⁷. В письмах нет признаков прямой оппозиции режиму, они, по оценке У. Хейенкампа, «не свидетельствуют ни о чувстве вины, ни о начальной фазе самообвинения»³⁸. И всё же «битва под Сталинградом, – считает Г. Юбершер, – стала символом не только сокрушительного поражения Германии на Восточном фронте, но и слепого послушания Гитлеру»³⁹.

В конце 1992 – начале 1993 г., когда отмечалось 50-летие битвы на Волге, Сталинград, по оценке А. Людтке, стал «центральной темой печатных и электронных средств массовой информации»⁴⁰. Значительный резонанс вызвали коллективные труды, авторы которых, несмотря на различие отдельных подходов, были едины в оценке войны против Советского Союза как криминальной, противоправной акции, убеждены в том, что поражение 6-й армии стало предвестником закономерного краха нацистской системы. Речь идёт о следующих изданиях: «Сталинград. Мифы и реалии одного сражения» (под редакцией В. Ветте и Г. Юбершера)⁴¹ и «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (под редакцией Ю. Фёрстера)⁴². Эти книги полностью сохранили свою научную и политическую значимость. Первая из них вышла в 2012 г. пятым, дополненным изданием.

В основу сборников легла междисциплинарная методология реконструкции прошлого, синтез усилий военных историков, психологов, педагогов, медиков, литературоведов. Определённое участие в деятельности авторских коллективов, поиске и публикации новых документальных свидетельств Сталинград-

³⁶ Ibid. S. 70–71.

³⁷ Papadopoulos-Kyllius R. Die Verarbeitung von Todesaussagen // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 155–159.

³⁸ Materialien zur Ausstellung «Stalingrad – Briefe aus dem Kessel». S. 11.

³⁹ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 42. См. современные публикации указанных эпистолярных источников на русском языке: «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из Сталинградского окружения. М., 2013. См. также: Ваишан Н. «Но вышло совсем не так, как мы думали». Письма немецких солдат из Сталинграда // Родина. 2013. № 1. С. 66–70.

⁴⁰ Lüdtke A. Einleitung // Sozialwissenschaftliche Informationen. 1993. H. 1. S. 2.

⁴¹ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht.

⁴² Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. München, 1992. Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1994.

ской битвы приняли российские учёные, архивисты, музейные работники. Это был первый, достаточно скромный опыт совместной российско-германской научной деятельности на крайне чувствительном поле истории сражения на Волге. В статье М. Керига содержится анализ данных личного фонда Паулюса в Федеральном военном архиве ФРГ и записей радиопереговоров между Манштейном и Паулюсом. Историк указывает: при попытке прорыва из кольца «рассчитывать можно было только на чудо». Он аргументировано опроверг попытки Манштейна снять с себя ответственность за катастрофу⁴³. Г. Юбершер опубликовал тексты радиообменов между верховным командованием вермахта и штабом Паулюса. Опираясь на эти документы, учёный пришёл к выводу, что командующий армией, требуя «сражаться до последнего патрона» и гарантируя – вслед за Гитлером – спасение окружённых войск, был повинен в «обмане собственных солдат». Нацистские военачальники начали снимать с себя ответственность за поражение ещё до завершения Сталинградской операции. В воспроизведённом Юбершером приказе Манштейна от 25 января 1943 г. содержится строгий запрет подчинённым «обсуждать причины краха 6-й армии»: дискуссии об этом «могут принести вред» и поэтому «не должны иметь места»⁴⁴.

В. Ветте раскрывает механизм формирования и функционирования нацистского «мифа о Сталинграде». Во второй половине сентября 1942 г. пресса по прямой команде Геббельса провозгласила Сталинград символическим воплощением перспектив войны и самого существования Третьего рейха. 8 ноября 1942 г., выступая в Мюнхене, Гитлер торжественно заявил, будто бы Сталинград – за исключением «нескольких небольших островков» – взят немецкими войсками. Эта поспешная декларация, от которой уже трудно было отказаться, во многом предопределила содержание и тональность материалов прессы и радио в последующие недели и месяцы. В сводках верховного командования вермахта говорилось «не о том, как происходили события, а о том, как они должны были выглядеть». Только через пять дней после окружения немецких войск верховное командование вермахта сообщило о «прорыве оборонительного фронта на Дону». Слово «Сталинград» вплоть до середины января исчезло со страниц газет, термин «окружение» было запрещено употреблять. По радио и в прессе распространялась версия об «оборонительных боях в районе Волги и Дона», о «фанатическом сопротивлении» немецких частей, о «невыносимости» русской зимы, о «впечатляющем численном перевесе» Красной армии, о «последних резервах Сталина». 16 января в военной сводке было сказано об «оборонительных боях против сил противника, нападающих со всех сторон». Был признан, таким образом, сам факт окружения армии Паулюса, а немцам отводилась роль защищающейся от нападения стороны⁴⁵. 30 января 1943 г., выступая в день десятой годовщины прихода нацистов к власти, Геринг говорил уже о «мёртвых героях Сталинграда», о жертвах Нибелунгов и битве при Фермопилах. Высокопарные тирады в устах Геринга, ещё несколько недель назад обещавшего окружённой армии «спасение по воздуху», произвели самое

⁴³ Кериг М. 6-я армия в сталинградском котле // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 86, 101, 105–106.

⁴⁴ Ueberschär G. Stalingrad – eine Schlacht des Zweiten Weltkrieges // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 34–35.

⁴⁵ Wette W. Das Massensterben als «Heldenepos». Stalingrad in der NS-Propaganda // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 48.

тягостное впечатление на слушавших его по радио солдат. 3 февраля, проводя по поручению Геббельса очередной инструктаж редакторов газет, Дитрих (статс-секретарь в Министерстве пропаганды, обер-группенфюрер СС) потребовал от подчинённых трансформировать национальную катастрофу в «самую героическую песнь германской истории». В речи Геббельса 18 января память о павших солдатах послужила лишь поводом для патетических призывов к «тотальной войне»⁴⁶.

Тема Сталинграда, констатирует Ветте, была уже «пропагандистски отработана». Новый мотив фашистской пропаганды (столь существенный для последующих лет): после Сталинграда Германия «защищает Европу и европейскую культуру». Нацистская пресса и радио утверждали, что все военнопленные 6-й армии погибли, сражаясь «до последнего патрона». Скрывались данные о пленении Паулюса и других генералов. Как сообщает Ветте, был издан строжайший приказ не доставлять семьям в немецком тылу письма из советского плена, изредка прорывавшиеся через Международный Красный Крест. По недосмотру цензуры письмо военнопленного генерал-полковника Хайтца было вручено его родным, но им категорически запретили упоминать об этом, а о пребывавших в сталинградском котле сказали: «Они должны быть мёртвыми. Таково указание сверху»⁴⁷.

Значительный интерес вызывает статья Х. Бобераха, основанная на секретных донесениях СД о настроениях в немецком тылу. В конце августа 1942 г., докладывая агентура, бои за Сталинград находились в фокусе внимания большинства немцев, рассматривавших ожидаемое скорое падение города в качестве «решающего поворота» в войне. Но общая оптимистическая картина была заметно подпорчена тем обстоятельством, что определённая часть населения трактовала «поворот» как «прекращение похода на Восток», а некоторые полагали, что силы русских «всё ещё не ослаблены». Согласно данным, поступившим в начале ноября, «название города» уже действовало «подобно кошмару». Из обзора от 26 ноября явствовало, что нацистской пропаганде не удалось скрыть факт окружения 6-й армии. Если в начале января 1943 г. настроение немцев оценивалось как «удовлетворительное», то чрезвычайно быстро наступила очередь иных формулировок: «скептически-выжидательное состояние», «весь народ в высшей степени взбудоражен», «глубокое потрясение», «чётко выраженное уныние», «пораженческие настроения», «усталость от войны, нарастающая от недели к неделе». Отмечалось нараставшее недоверие к официальным источникам информации, обвиняемым в «губительном обмане». Немцы, с тревогой докладывали осведомители, вновь ежевечерне слушают иностранное радио, прежде всего московскую станцию, которая передаёт на немецком языке списки солдат и офицеров, взятых в плен под Сталинградом⁴⁸.

В 2011 г. были опубликованы дневники немецкого чиновника Ф. Келльнера (1885–1970)⁴⁹. Он служил в заштатном городке Лаубах (земля Гессен) в должности инспектора административного суда и ничем не выделялся из чинов-

⁴⁶ Оверманс Р. Другой лик войны: жизнь и гибель 6-й армии // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 451–452.

⁴⁷ Wette W. Das Massensterben als «Heldenepos»... S. 57, 59.

⁴⁸ Boberach H. Stimmungsumschwung in der deutschen Bevölkerung // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 61–66.

⁴⁹ Kellner F. «Vernebelt, verdunkeln sind alle Hirne». Tagebücher 1939–1945. Bd. 1–2. Göttingen, 2011.

ничьей среды низшего и среднего ранга, исправно исполняя возложенные на него функции. Нацистские преследования его (как бывшего социал-демократа) обошли стороной. Но с осени 1938 г. по май 1945 г. он день за днём вёл записи в дневнике, скрывая их (сохранилось 10 заполненных конторских книг большого формата) в надёжном месте. Рукописи хранились в семье Келльнера, после его смерти несколько раз предлагались издателям, но не вызвали никакого интереса. И только тогда, когда исследование проблематики Третьего рейха вышло в ФРГ на новый уровень, вопрос о публикации был решён. У Келльнера не было других источников информации, кроме наблюдения за повседневной жизнью городка и внимательного изучения нацистской (по преимуществу локальной) прессы. В дневнике нет упоминаний о передачах иностранного радио. Но он подробно пишет о происходивших на глазах равнодушных соседей злодеяниях нацистов. «Записи Келльнера, – указывала газета “Süddeutsche Zeitung”, – доказывают то, что столь часто опровергается: у каждого, кто жил в Германии в 1939–1945 гг., была возможность узнать о том, что происходит, как в действительности развиваются военные действия. И никто не мог “ничего не знать” о преступлениях нацистской системы, включая уничтожение евреев»⁵⁰.

Особый интерес представляют страницы дневников Келльнера, касающиеся разгрома вермахта под Сталинградом. 18 января 1943 г. он записывал: «Армия, которая пыталась окружить русских, сама окружена в Сталинграде и исчезнет с лица земли... Сталинград станет страницей славы для русских». Произошёл «драматический поворот на театре военных действий в России», и впереди лишь «отсрочка гибели». Запись следующего дня: «Сталинград – русский город и останется русским». 26 января: «Народная масса чересчур глупа, чтобы понять подлинное положение вещей... Нужно пережить ещё несколько крупных ударов, чтобы немецкий бюргер усвоил то, что произойдёт в ближайшем будущем. У немецкого народа отняли мужество, и властители обращаются с ним, как с недееспособным ребёнком... Ситуация в Германии приближается к катастрофической». 4 февраля: «Большинство немцев не имеет представления о поражении под Сталинградом. Всё же выросло число тех, кто начинает размышлять. Но широкая масса всё ещё не знает, что же, собственно, произошло... Нужно ещё немало крупных поражений, чтобы нанести смертельный удар по вере народа»⁵¹.

В 1990-х гг. немецкие исследователи новой генерации настойчиво задавали новые (или вспоминали прочно забытые) вопросы, в том числе: «Кто несёт ответственность за гибель немецких войск в замкнутом мёртвом пространстве сталинградского котла?». Германская историография Сталинградской битвы, отмечал А. Людтке, отходила от односторонней ориентации на анализ действий «собственной стороны», от трактовки 6-й армии «исключительно в качестве жертвы», с которой «снялась вина за участие в преступлениях». Немецкие учёные сделали первые шаги к постижению «действий и страданий советских солдат и гражданского населения»⁵². Признать свою вину нелегко. Поэтому, указывает И. Фечер, многие немцы стремились и стремятся «оправдать себя тем, что они воевали против тоталитарного Советского Союза». Учёный напоминает: «Тот, кто выдвигает подобные аргументы, забывает, что без борьбы Красной Армии не был бы сокрушён вермахт... Русские солдаты сражались во имя защиты своей родины от разбойничьего нападения, а не во имя сохранения

⁵⁰ Süddeutsche Zeitung. 2011. 14. Juni.

⁵¹ Kellner F. Op. cit. S. 382, 386–387, 395.

⁵² Lüdtke A. Op. cit. S. 2.

тоталитарного режима»⁵³. Существует ли, – спрашивают Г. Юбершер и В. Ветте, – база для совместного с российскими авторами изучения Сталинградской битвы, если «для каждого из бойцов Красной Армии она была частью справедливой, оборонительной войны, а для немцев – вопреки пропагандистскому туману – эпизодом захватнической, преступной истребительной войны»?⁵⁴ Такая основа существует, это – восприятие войны как трагедии обоих народов, это стремление восстановить правду о войне, какой бы горькой она ни была.

В 1997–2004 гг. (с перерывом в 1999–2002 гг.) в нескольких десятках городов Германии действовала передвижная документальная выставка, посвящённая преступлениям солдат и офицеров вермахта – прежде всего на оккупированных территориях Советского Союза. Выставку посетили около миллиона человек. Во многих городах, в федеральном и земельных парламентах ФРГ возникали бурные дискуссии. Не утихали демонстрации сторонников реабилитации нацистских вооружённых сил. Выставка стала попыткой сломать традиционные для социального сознания ФРГ представления, согласно которым вермахт вёл против СССР «чистую войну». Что же касалось очевидных преступлений на оккупированных территориях СССР, то они привычно относились на счёт нацистских карательных формирований. Вина за агрессию и её провал перекладывалась на «фюрера», криминальные акции объявлялись привилегией «грязных СС», а вермахт считался высокопрофессиональной армией с незапятнанной репутацией. Одна из немецких газет в 1995 г. констатировала: «Вермахт и нацистское государство, война и Холокост, железный крест и свастика – эти понятия тщательно отделяются друг от друга в подсознании нации»⁵⁵. Выставка, по убеждению Н. Фрая, «повернула германское общество лицом к теме, которую историческая наука слишком долго разрабатывала с большой оглядкой». Историк обратил внимание на «диалектику вытеснения из социальной памяти преступлений нацистского режима и формирования реальных представлений о злодеяниях национал-социализма»⁵⁶.

Важнейшим компонентом экспозиции стал раздел «Путь 6-й армии к Сталинграду», авторы которого В. Болль и Г. Зафриан, отмечали: «Коллективное сознание идентифицирует 6-ю армию с битвой под Сталинградом. Ни об одном другом крупном соединении вермахта не было выпущено такое большое число публикаций... В них освещается, исходя из различных познавательных интересов и пропагандистских установок, “жертвенный путь” армии... Поэтому убедительной может стать попытка рассмотреть события под другим углом зрения. Потому что сосредоточение на “факторе жертв” является историческим продолжением нацистских мистификаций»⁵⁷. От Львова до Сталинграда за армией тянулся кровавый след. На выставке были представлены неопровержимые документы о зверствах солдат и офицеров 6-й армии, об их прямом участии совместно с подразделениями СС и СД в еврейских погромах в Киеве и Белой Церкви, в расстрелах политкомиссаров и заложников, в организации голода в Харькове.

Выставка «Преступления вермахта» и дебаты об экспозиции имели серьёзные долговременные последствия. В ФРГ были опубликованы основательные

⁵³ *Fetscher I.* Utopien, Illusionen, Hoffnungen. Stuttgart, 1990. S. 239–240.

⁵⁴ *Überschär G., Wette W.* Vorwort der Herausgeber // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 14.

⁵⁵ *Badische Zeitung.* 1995. 11. März.

⁵⁶ *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 1999. 2. November.

⁵⁷ *Boll B., Safrjan H.* Auf dem Weg nach Stalingrad. Die 6. Armee 1941/42 // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1995. S. 260.

работы, посвящённые политике вермахта в захваченных регионах СССР. Новое в них состояло в том, что авторы (преимущественно молодого и среднего поколений) активно использовали архивные источники, в том числе документы из российских архивов. Сделаны первые шаги в разработке тематики оккупационного режима 6-й армии, её военных преступлений в Сталинграде и в Сталинградской области. Первой публикацией такого рода стала статья Г. Любберса «6-я армия и гражданское население Сталинграда»⁵⁸. Из изученных автором фондов Государственного военного архива во Фрайбурге явствует, что Гитлер и германское командование заранее решили судьбу граждан Сталинграда: «мужчин уничтожить, женщин вывезти» (21 августа 1942 г.); «при вступлении в город всё мужское население должно быть устранено» (2 сентября). Заранее была создана плотная сеть карательных организаций, которая должна была распоряжаться жизнью и смертью жителей «особо опасного» города: организация Тодта, представительства «экономического штаба Ост», уполномоченные ведомства Заукеля по угону людей в Германию...

По настоянию представителей Заукеля (к тому же выяснилось, что мужчин в городе почти не осталось) было решено «эвакуировать работоспособное население» (прежде всего женщин) для принудительного труда в прифронтовой полосе и на территории Рейха. Тыловым частям 6-й армии было поручено руководить депортацией жителей Сталинграда и окрестностей: гнать их под охраной солдат вермахта пешком до станции Чир, а оттуда отправлять на станцию Белая Калитва (Ростовская область). Был назначен «комиссар по эвакуации» и строго приказано избегать «любых проявлений неверно понятого человеческого отношения». Военное командование отказалось кормить изгнанных с мест жительства голодных людей под тем предлогом, что «снабжение в степи между Доном и Волгой невозможно», а продовольственных ресурсов едва хватало для нужд армии. Поскольку депортация в направлении Белой Калитвы проходила, с точки зрения командования, неудовлетворительно, было решено перенаправить поток беженцев на юго-восток – в полупустынные калмыцкие степи, т.е. обресть их на верную гибель от голода и жажды⁵⁹. В заявлении жителя Сталинграда А.М. Кудряшова в районную комиссию по расследованию преступлений оккупантов говорилось: «Фашистские бандиты как скот сгоняли мирных граждан и под конвоем увозили в Германию. Меня и мою семью бандиты угнали в Белую Калитву. Там был лагерь русских мирных граждан – русские пленные, как называли нас фашисты. В этом лагере несколько сот граждан были со Сталинградского тракторного завода. Всю молодёжь фашисты отбирали как вещь и грузили в вагоны, запирали их и под конвоем отправляли в Германию... Меня и мою жену немцы не увезли в Германию лишь потому, что мы были стары и больны (мне 63 года, жене 61). Детей моих немецкие офицеры также рассматривали как вещь и намерены были взять и отправить в Германию, но спасло их то, что они были глухи и немые». Всего было угнано в германское рабство 64 224 жителя Сталинграда и Сталинградской обл.⁶⁰

⁵⁸ Lübberts G. Die 6. Armee und die Zivilbevölkerung von Stalingrad // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2006. Н. 1.

⁵⁹ Ibid. S. 87, 89–90, 92–95, 102–108, 110–112.

⁶⁰ Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Волгоград, 2008. С. 38, 7. См. также: Мы – сталинградцы. Воспоминания, очерки, рассказы участников и очевидцев Сталинградской битвы. Волгоград, 2012. С. 31–32, 48–50, 143–144, 164–165.

Дополнением к этой трагической картине служит фрагмент дневника солдата 6-й армии (запись от 11 октября 1942 г.), опубликованный в монографии Д. Поля «Господство вермахта. Германская оккупация и местное население в 1941–1944 г.»: «Гражданские лица – от детей двухнедельного возраста до стариков, едва стоящих на ногах со своими жалкими пожитками, которые они везут на тележках или тащат на себе... Их не пускают на ночёвку, они идут там, где на протяжении 30–50 километров нет жилья. Ночью холодно, днём жара и невыносимая пыль»⁶¹. По данным Поля, в районе Сталинграда действовала та самая зондеркоманда 4а, которая организовала расстрел евреев Киева в Бабьем Яру. В станице Нижне-Чирская Сталинградской обл. были расстреляны 50 детей в возрасте от 6 до 8 лет, находившихся в психиатрической больнице. На северной окраине Сталинграда, близ села Алексеевка, 27 сентября 1942 г. был создан лагерь для советских военнопленных «Дулаг-205». Лагерь находился в открытом поле и обнесён колючей проволокой, охранялся солдатами вермахта. Пленные, подходившие к заграждению, расстреливались без предупреждения. В четырёх землянках, рассчитанных на 400 человек, располагалось более 4 тысяч. Ежедневно от голода и побоев погибало 15–20 военнопленных. С начала декабря командование 6-й армии прекратило снабжение лагеря продовольствием, перестали давать даже воду. Общее число погибших составило около 3 тысяч пленных. Полю ссылается на архивный документ – докладную записку Главного управления контрразведки СМЕРШ о расследовании зверств фашистов в «Дулаге-205»⁶². В полном тексте документа говорится: «На территории лагеря и близ него были обнаружены тысячи трупов военнопленных красноармейцев, умерших от истощения и холода, а также освобождено несколько сот истерзанных, истощённых от голода и до крайности измученных быв. военнослужащих Красной Армии... Немецкие офицеры и солдаты, выполняя установки германского верховного командования, относились к военнопленным издевательски, зверски истребляли их путём массовых избиений и расстрелов, создавали невыносимые условия содержания в лагере и морили голодом»⁶³.

24 октября 2012 г. во Франкфурте-на-Майне состоялась презентация необычной для Германии книги о Сталинграде, рассказывающей не о действиях вермахта, а об отстоявшем город на Волге солдатах и офицерах Красной армии, о бедах и жертвах мирных жителей. Автор исследования «Сталинградские протоколы» Й. Хелльбек – немецкий историк, работающий в университете Ратгерса в США⁶⁴. При поддержке Фонда Тиссена (ФРГ), Института российской истории РАН (ИРИ РАН), а также Германского исторического института в Москве Хелльбек осуществил издание избранных материалов Комиссии по изучению истории Отечественной войны («комиссии Минца»), документы которой хранятся в архиве ИРИ РАН. Она была создана в ноябре 1941 г. во главе с членом-корреспондентом АН СССР (позднее академиком) И.И. Минцем. Задача комиссии состояла в сборе и сохранении устных и письменных свидетельств о героической борьбе нашей армии и народа против германского фашизма. При этом использовалась методика записи

⁶¹ Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.

⁶² Ibid. S. 323, 276, 203.

⁶³ См.: Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 356–363; См. также: Епифанов А.Е. Счёт за Сталинград. Волгоград, 1993.

⁶⁴ Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M, 2012.

интервью, отработанная в 1930-х гг. в ходе реализации проектов «История заводов и фабрик» и «История гражданской войны».

В январе 1943 г. сотрудники комиссии московские учёные П.И. Белецкий, Э.Б. Генкина, А.А. Белкин, Г.Н. Анпилов, сопровождаемые опытными стенографистками, прибыли в разрушенный до основания Сталинград. Они записали 130 бесед с 215 участниками и свидетелями исторических событий. Это были генералы, командиры и политработники всех рангов, сержанты и рядовые красноармейцы, матросы Волжской военной флотилии, медсёстры, бойцы добровольческих истребительных батальонов, секретари партийных комитетов, рядовые жители Сталинграда... Мы слышим живые голоса, с беспощадной откровенностью рассказывающие о трагедии отступления и о радости победы, о мужестве и жертвах защитников города, о повседневности великой битвы. Перед нами не имеющее себе равных достижение устной истории, неограниченное поле для серьёзных исследований. Но почему же протоколы не были опубликованы ранее, и не на немецком языке, а на языке оригинала? Почему в течение семи десятилетий коллекция драгоценных для нашей и мировой истории свидетельств оставалась незамеченной и неизученной научным сообществом страны? Потому, что неотретушированная правда о Сталинграде не всегда соответствовала формату предписанной свыше монументально-героической легенды.

Многочисленные документы, вошедшие в книгу, говорят о беспримерном ожесточении боевых действий в Сталинграде. Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков рассказывал: «Мы не знали, день это или ночь... Умри, но не отступай, ни шагу назад... Или он уничтожит нас, или мы уничтожим его. Иного выхода нет... Мы встречались с противником и набрасывались на него. Немцы этого не выдерживали... В уличных боях использовались ручные гранаты, автоматы, штыки, ножи и лопаты». В беседах с учёными Чуйков не скрывал собственных ошибок, нелестно отзывался о некоторых своих подчинённых. Но в его мемуарах, изданных в конце 1950-х и в первой половине 1960-х гг., подобных суждений уже нет.

Снайпер Василий Зайцев, получивший в феврале 1943 г. звание Героя Советского Союза, был убеждён: «Каждый солдат, я тоже, мы думали только о том, чтобы дороже продать нашу жизнь и уничтожить как можно больше немцев». Ненависть к оккупантам при виде зверств фашистов всё нарастала. «Мы видели в парке на деревьях повешенных молодых девушек, детей, — свидетельствовал Зайцев. — Это оказывало огромное влияние»⁶⁵. Капитан Н. Аксёнов (284-я Сибирская стрелковая дивизия) говорил: «Пять месяцев, которые я провёл в Сталинграде, равны пяти годам обычной жизни... Как историк, я пытался сравнить Сталинград с известными в истории сражениями: Бородино, Верден, но всё это не подходило для сравнения. Измерение Сталинградской битвы несопоставимо. Казалось, земля Сталинграда весь день дышала огнём». Я. Дубровский, начальник политотдела 39-й гвардейской стрелковой дивизии: «Считалось постыдным, если коммунист не поднимался в бой первым и не вёл за собой солдат»⁶⁶. В беседах с московскими историками офицеры и солдаты не скрывали колоссальных потерь, которые несли наши войска. Так, офицеры 308-й стрелковой дивизии сообщали: «В полку выжило 11 бойцов» (подполковник Свириной); «в батальоне оставалось 3–4 человека» (майор Совчинский)⁶⁷.

⁶⁵ Ibid. S. 330–337, 483, 450.

⁶⁶ Ibid. S. 401–428, 57.

⁶⁷ Ibid. S. 204, 214.

Что же было источником беспримерного мужества бойцов и командиров Красной армии? Интервью, опубликованные на страницах «Сталинградских протоколов», не оставляют камня на камне от запущенной национал-социалистами и часто повторявшейся во время холодной войны легенды о том, что красноармейцы ожесточённо сражались якобы только потому, что в противном случае их казнили бы сотрудники карательных органов. Разумеется, расстрелы имели место и не только по приговорам военных трибуналов. Приказ Сталина № 227 выполнялся неукоснительно. Чуйков сообщал о своём обращении с «пораженцами»: «14 сентября я расстрелял командира и комиссара одного полка, а через некоторое время я застрелил двух командиров бригад и двух комиссаров. Все были ошеломлены»⁶⁸. Но масштабы расстрелов в западных публикациях до сих пор переоцениваются. Британский историк Э. Бивор (его книга «Сталинград» в 1999 г. без каких-либо комментариев была издана на русском языке⁶⁹), не ссылаясь на источники, говорит о «примерно 13 тысячах» расстрелянных во время Сталинградской битвы бойцах и командирах. Но, как подчёркивает Хелльбек, обнаруженные в российских архивах документы свидетельствуют: в 62-й армии были приговорены к смерти 278 человек. В интервью достаточно редко упоминается имя Сталина (почти исключительно в высказываниях представителей командного состава и политработников), что удивительно ввиду пропагандистской кампании, развёрнутой в связи с присвоением вождю в марте 1943 г. звания Маршала Советского Союза. Характерны слова члена военного совета 62-й армии генерал-лейтенанта К.А. Гурова: «Солдаты поняли, что они являются людьми, ответственными за государство»⁷⁰. Многие советские люди ощутили себя – хотя бы на время! – субъектами истории, а не её объектами, чему посвящено немало замечательных страниц романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба». И эта внутренняя раскрепощённость явно ощущается в стенограммах бесед с учёными.

Как участники сражения оценивали противника? Особый интерес представляет запись интервью с капитаном П.А. Зайончковским, старшим инструктором отдела по пропаганде среди войск противника 66-й армии, впоследствии выдающимся историком, профессором МГУ. Зайончковский безусловно признавал «политико-моральную стойкость» и «крепкую механическую дисциплину» солдат вермахта. Во время паузы в переговорах о капитуляции штаба Паулюса состоялся примечательный обмен репликами между генералом Шмидтом и капитаном Морозовым (переводчик был рядом). Шмидт: «Не подумайте, что наша немецкая армия слаба, она ещё крепка, она ещё очень сильна, она оснащена первоклассной техникой». Морозов: «Но для Красной Армии это лучше, потому что Красная Армия бьёт такую первоклассную армию»⁷¹.

Материалы «Сталинградских протоколов» говорят о трагической незащищённости мирных жителей Сталинграда. 6-я немецкая армия уже форсировала Дон, а директивы из Москвы об эвакуации мирных жителей не поступало. Только 15 августа руководство Сталинградской области приняло соответствующее постановление, для осуществления которого просто не оставалось времени. Председатель исполкома Сталинградского горсовета Д.М. Пигалёв заявил в беседе с членами комиссии историков: «Мы никого из города не эвакуировали». Впрочем, по признанию секретаря Ерманского (Центрального)

⁶⁸ Ibid. S. 330.

⁶⁹ Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999.

⁷⁰ Hellbeck J. Op. cit. S. 68.

⁷¹ Ibid. S. 460, 481, 291–292.

райкома ВКП(б) К.С. Денисовой, «большая часть партактива заранее вывезла свои семьи»⁷². Переправа женщин и детей на левый берег Волги только началась, как 25, 26 и 27 августа произошли массированные налёты немецкой авиации на город. Денисова рассказала московским учёным: «Это был воздушный налёт, какого ещё никогда не бывало. Казалось впечатление, что всё небо буквально покрыто самолётами. Не было ни одного клочка земли, куда бы не упала бомба... Вокруг всё пылало, он бомбардировал безжалостно. Сначала одна улица, потом другая. И так без конца, как на конвейере... Убежать от огня было невозможно»⁷³. Несколько дней горела Волга: бомбами были пробиты резервуары с горючим. По официальным данным, в городе погибло 42 797 мирных жителей. Жертв было больше, чем при бомбардировке Дрездена 13–15 февраля 1945 г., где число погибших составило 25 тыс. человек. В Сталинграде не осталось ни одного целого здания. Когда военные действия в городе были завершены, стали подсчитывать, сколько же людей в городе осталось в живых. На территориях Ерманского и Баррикадного районов их оказалось, соответственно, 62 и 130 человек⁷⁴. Это были женщины и малые дети, чудом уцелевшие в условиях постоянного голода, ежечасного артиллерийского и миномётного огня.

Книга, изданная Хелльбеком, привлекла внимание многих немецких СМИ. «Как никакая другая книга последних лет, – отмечала газета “Süddeutsche Zeitung” – она вынуждает читателя взглянуть на незажившие раны других. Эти раны невозможно игнорировать»⁷⁵. Приведу высказывания известных историков Г. Моммзена и К. Хартмана. Моммзен: «В противовес тезису, о “жертвенном пути” германских соединений, распространяемому, как правило, в германской историографии», монография «устраняет предрассудки о том, что советские войска сохраняли высокую боеспособность только на базе насильственных действий и массовых расстрелов»⁷⁶. Хартман: «Нет никакого сомнения в аутентичности и подлинности протоколов... Эти незаменимые документы открывают новые горизонты для рассмотрения одного из центральных событий Второй мировой войны» с точки зрения «советской перспективы, которая не занимает в Германии того места, которого она заслуживает»⁷⁷. Станут ли «Сталинградские протоколы» компонентом нашей исторической науки и нашего исторического сознания? Можно ли надеяться на скорейшее российское издание важнейшего корпуса документов, отражающих человеческое измерение эпохального события Великой Отечественной войны?

К 70-летию Сталинградской битвы в Военно-историческом музее бундесвера (Дрезден) с 14 декабря 2012 г. до 30 апреля 2013 г. была развёрнута масштабная выставка. Здесь были впервые показаны и прокомментированы обширные материалы о повседневной жизни советских солдат и офицеров, равно как и мирных жителей Сталинграда. Выставка явилась результатом тесного профессионального сотрудничества Военно-исторического музея бундесвера с музеями и архивами Российской Федерации, прежде всего с Волгоградским музеем-заповедником «Сталинградская битва». Из 600 экспонатов выставки примерно половина

⁷² Ibid. S. 131, 124.

⁷³ Ibid. S. 132.

⁷⁴ Ibid. S. 160.

⁷⁵ Süddeutsche Zeitung. 2012. 11. Dezember.

⁷⁶ Die Welt. 2012. 11. Dezember.

⁷⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. 8. Februar.

представлена российскими музеями и архивохранилищами. К открытию экспозиции был выпущен образцово оформленный фолиант, включающий собрание 18 аналитических статей научного характера и подробный иллюстрированный каталог выставки⁷⁸. Создатели экспозиции и авторы статей представляют новое поколение историков, в значительной мере свободное от предвзятых подходов немецких учёных прежних поколений. Научный куратор мероприятия Й. Венер следующим образом охарактеризовал его концепцию: «Речь идёт в меньшей степени о том, что думали или что планировали генералы, но – о том, что происходило во время битвы с немецкими солдатами, красноармейцами и с мирным советским населением»⁷⁹. Посетители выставки получают чёткое представление о том, что солдаты и офицеры 6-й армии вермахта на своём пути к Сталинграду и в самом городе совершали несчётное число преступлений. Поэтому, указывает Венер, «большинство красноармейцев было убеждено в том, что немецкие солдаты являлись не освободителями от сталинизма, как это утверждала нацистская пропаганда, а преступными оккупантами, которые не останавливаются перед массовыми убийствами»⁸⁰.

Впервые в научный оборот введены письма советских солдат и офицеров из Сталинграда, хранящиеся в Волгоградском музее-заповеднике «Сталинградская битва» и в Белорусском государственном музее Великой Отечественной войны. Подробный анализ этих ценнейших источников представила берлинская исследовательница Э. Шерстяной⁸¹. Очерк сотрудницы дрезденского музея К. Шайде посвящён женщинам в Красной армии. В материалах выставки – биография и личные вещи лётчицы Лидии Литвяк, воевавшей в 73-м гвардейском истребительном полку и погибшей в воздушном бою на подступах к Сталинграду 1 августа 1943 г. Самолёт и тело лётчицы не были найдены, и её считали пропавшей без вести. После того, как останки Лидии были обнаружены молодыми поисковиками, ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме того, выставка рассказала о подвиге и гибели Натальи Качуевской, студентки московского театрального вуза, добровольно ушедшей на фронт. Она стала санинструктором 28-й гвардейской дивизии и в 1997 г. посмертно была удостоена звания Героя России, а её именем названы улицы в Москве, Волгограде и Астрахани⁸². Статьи Й. Морре и Т. Дидриха посвящены деятельности «Свободной Германии» и Союза немецких офицеров (СНО). Значительное внимание авторы уделили драматическим судьбам президента СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица и вступившего в движение осенью 1944 г. генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса⁸³. В статье научного сотрудника Дрезденского военно-исторического музея Я. Киндлера речь идёт о советском документальном фильме 1943 г. «Сталинград», режиссёром которого был Л.В. Варламов, а автором текста – В.С. Гроссман⁸⁴. В целом, Дрезденская экспозиция стала заметным явлением в общественной жизни ФРГ⁸⁵. В развёрнутом комментарии радиостанции «Немецкая волна» выставка была названа «ясной, неприкрашенной и честной», «единственной в своём роде», а

⁷⁸ Stalingrad. Eine Ausstellung des Militärhistorischen Museums der Bundeswehr. Dresden, 2012.

⁷⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2012. 22. Dezember.

⁸⁰ Stalingrad. Eine Ausstellung des Militärhistorischen Museums der Bundeswehr. S. 32, 29–30.

⁸¹ Ibid. S. 228–237.

⁸² Ibid. S. 105, 295, 319.

⁸³ Ibid. S. 118–127, 142–157.

⁸⁴ Ibid. S. 188–197.

⁸⁵ См.: Kölner Stadt-Anzeiger. 2003. 28. Januar; Leipziger Volkszeitung. 2012. 15. Dezember.

также говорилось: «В течение нескольких десятилетий в памяти о Сталинграде доминировали селективное восприятие, отказ от видения страданий других и собственных преступлений»⁸⁶.

На наших глазах происходят сдвиги в массовом историческом сознании ФРГ. Сложились первые предпосылки реального диалога исторических культур Германии и России. Свидетельство тому – разделённые десятью годами характерные высказывания авторитетных немецких газет. «Die Welt», 2003 г.: «Этот город, не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории»⁸⁷; «Frankfurter Rundschau», 2013 г.: «В памяти немцев и русских имя Сталинграда выжжено огнём как место судьбоносного, жертвенного перелома»⁸⁸. Путь к постижению исторического смысла Сталинградской битвы оказался трудным, длительным и противоречивым и для граждан ФРГ, и для её историков. Проект Хелльбека и экспозиция в дрезденском музее являются сознательным вызовом сохраняющейся и поныне в германской исторической памяти трактовке Сталинградской битвы – восприятию сражения только через призму жертвенности немцев, но не национальной ответственности за войну и военные преступления. Структура исторического сознания ФРГ остаётся неоднородной. В последние годы опубликованы десятки солидных исследовательских работ, основанных на архивных источниках и открывающих перспективу правдивого изложения событий 1941–1945 гг. Было бы, однако, неверно умолчать о том, что в историографии ФРГ сохраняется и положение о том, что советско-германская война была столкновением двух тоталитарных диктатур. Й. Баберовски, чья книга «Выжженная земля»⁸⁹ исходит из данного постулата, был удостоен высокой литературной премии на Лейпцигской книжной ярмарке 2012 г. Ведущие германские печатные издания, принадлежащие как к правому, так и к леволиберальному направлениям, выступили при этом с похвальными отзывами⁹⁰. К сожалению, аргументированные критические оценки «Выжженной земли», принадлежащие авторитетным историкам⁹¹, не вызвали значительного общественного интереса. Остаются по-прежнему актуальными сказанные 50 лет назад слова выдающегося учёного Г.-А. Якобсена о будущих нелёгких маршрутах германской историографии Сталинградской битвы: «Нельзя останавливаться на полпути. Надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелёгкие вопросы и получать нелёгкие ответы»⁹².

⁸⁶ <http://www.dw.de/mythos-und-wahrheit-ueber-stalingrad/a-16565805>

⁸⁷ Die Welt. 1993.30./31. Januar.

⁸⁸ Ibid.; Frankfurter Rundschau. 2013. 4. Februar.

⁸⁹ Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012.

⁹⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2012. 10. März; Die Zeit. 2012. 8. März; Die Tageszeitung, 2012. 9. März; Süddeutsche Zeitung. 2012. 13. März.

⁹¹ Zarusky J. Schematische Übertragungen. Stalinismus und Nationalsozialismus bei Jörg Baberowski // Osteuropa. 2012. H. 4; Ennker B. Ohne Ideologie, ohne Staat, ohne Alternative? Fragen an Jörg Baberowski // Ibid; Koenen G. Weil es Stalin gefiel? Zu Jörg Baberowskis Deutung des Stalinismus // Ibid.

⁹² Jacobsen H.-A. Zur Schlacht von Stalingrad – 20 Jahre danach // Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift. 1963. H. 2. S. 69.